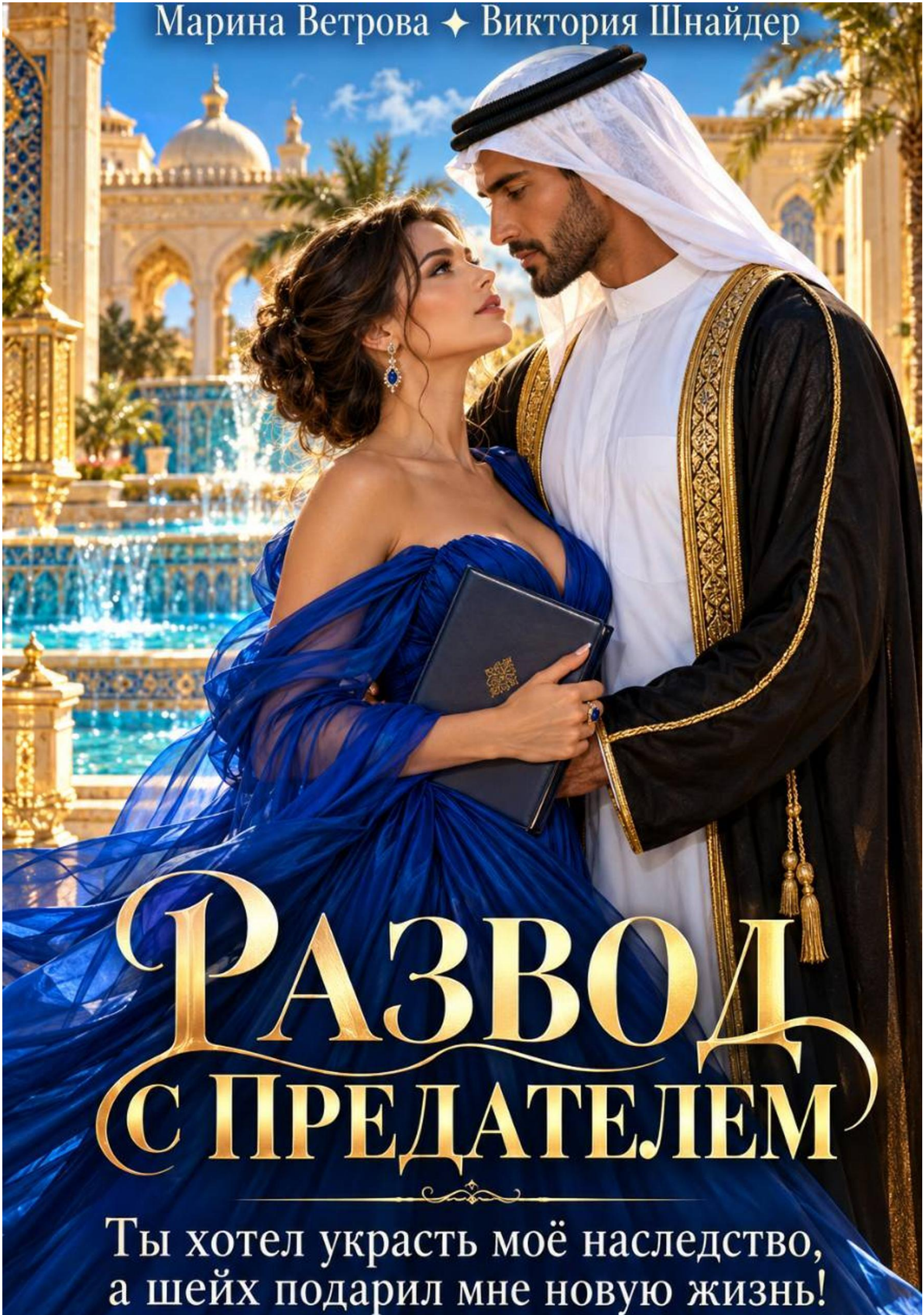

Марина Ветрова ✦ Виктория Шнайдер
Развод с Предателем
Ты хотел украсть моё наследство,
а шейх подарил мне новую жизнь!

Виктория Шнайдер

Развод с предателем. Ты хотел украсть моё наследство, а шейх подарил мне новую жизнь!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Развод с предателем. Ты хотел украсть моё наследство, а шейх подарил мне новую жизнь! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

В день рождения я узнала, что муж женился на мне ради наследства первого супруга.Три года нежности оказались расчётом: Влад ждал, когда откроется многомиллионный траст, чтобы забрать мои деньги и благотворительный фонд.Я ушла без доступа к счетам, с разбитым сердцем и одним чемоданом.Неожиданно помощь предложил шейх Тамер, друг моего покойного мужа. Он знал о тайном письме, хранил опасные документы и был готов защитить меня от предателя.Но почему такой могущественный мужчина столько лет следил за моей судьбой?И сумею ли я снова довериться любви, когда бывший муж приползёт просить прощения у моих ног, а прошлое потребует окончательного выбора?

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День рождения, который я запомню 5
Глава 2. Чужой самолёт 8
Глава 3. Уставшая вдова 12
Глава 4. Условия защиты 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Марина Ветрова, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты хотел украсть моё наследство, а шейх подарил мне новую жизнь!

Глава 1. День рождения, который я запомню

Крем на торте заказывала фисташковый. Три яруса, живые пионы сверху — Влад однажды небрежно обронил, что любит фисташку, и эта мелочь запомнилась на три года, как запоминалось всё в нём.

Торт стоял в холодильнике на кухне нашего дома — белого, стеклянного, слишком большого для двоих. Мне исполнялось тридцать восемь. Перед зеркалом в спальне подкрашивала губы, промакивая салфеткой размазанную помаду. Бордовое платье покупала без Влада, чтобы удивить, и дрожала от глупого предчувствия праздника. Сорок — потом. Сегодня ещё можно ждать, что муж задержится в дверях, разглядывая меня.

Так казалось, пока с серёжками в руке не подошла к его кабинету.

Из-за приоткрытой двери донеслись голоса, и у порога пришлось остановиться.

— Она подпишет в понедельник и не будет задавать вопросов, — говорил Влад. — Триста восемьдесят восемь дней я ждал, Инга, с тех пор как Артём назвал точную дату. Я считал.

— Ты женился на вдове с трастом, — голос женщины был прохладный, насмешливый, как тонкий нож по стеклу. — Признай, что это была самая длинная сделка в твоей жизни.

— Самая скучная. — Влад рассмеялся, и от этого смеха у меня подкосились колени. — Она моет чашки, Инга. Она перевязывает ленточки на подарках в своём фонде. Три года я слушал, как она говорит про больных детей и новых подопечных. Ещё год — и я бы повесился на этих ленточках. Но в понедельник откроется траст, она подписывает доверенность, и мы закончили. Дом оформлен на меня, фонд уходит под наш контроль с Артёмом — и я свободен.

Застыла у кабинета, придерживая серёжку за застёжку. Дверь была приоткрыта — он всегда оставлял её так: знал, что запертых дверей не люблю. Он помнил это. Собирал мои мелочи так же, как мне хотелось запоминать его.

Инга Мельник сидела на краю его стола. В его кабинете, в моём доме, в моём бордовом — нет, её платье было цвета спелой вишни, и она была прекрасна, с этим ничего нельзя было сделать. Влад стоял перед ней слишком близко. Обнимал её за талию — привычно, по-хозяйски, как обнимал меня на наших фотографиях.

— А она красивая, между прочим, — Инга наклонила голову, поправляя волосы перед зеркалом напротив. На самом краю стекла белело моё лицо; они пока смотрели друг на друга. — Тихая. Благородная. Никогда не подумаешь, что её можно так просто...

— Её невозможно не обмануть, — Влад пожал плечами. — Она хочет быть хорошей вдовой. Хорошие вдовы верят мужчинам, которые приносят им кофе по утрам.

Серёжку не удержала; та упала и покатилась по паркету. Звякнула едва слышно, остановилась у ножки стола — и они обернулись.

Дальше время пошло рывками, как дешёвая плёнка в старом проекторе.

Влад не побледнел. Это запомнилось — даже не побледнел. Выпрямился, отступил и заговорил почти ласково:

— Тома. Ты рано.

Сглотнуть удалось со второй попытки. Во рту стоял вкус меди, а пионы на торте внизу — фисташковый крем, три яруса, ради него — уже казались приготовленными чужой, наивной женщиной. Ещё утром выбирала для него блюдо.

— Тридцать восемь. — Прижалась к косяку и удержала голос. — В понедельник открывается траст. Ты женился на мне три года и два месяца назад. Ты всё считал.

— Тома... — Он шагнул ко мне, оставляя бокалы за спиной. Отступила на шаг, ещё на один. Упёрлась спиной в холодную раму.

— Не подходи.

Инга соскользнула со стола, одёрнула платье и — вот что удивительно — не смутилась ни на грамм. Она взяла со стола свой бокал и сказала в него, скорее себе:

— Я оставлю вас. Хотя, честно говоря, всё равно.

Дверь за ней закрылась мягко, по-гостиничному.

И мы остались вдвоём — я, Влад и три года и два месяца брака, в котором каждое его признание теперь требовалось услышать заново.

— Скажи, что это не так. — Смотрела на него, цепляясь за возможность объяснения. — Знаю, смешно. Твоя жена, которая перевязывает ленточки на подарках, стоит и просит обмануть её ещё раз. Но мне сейчас хочется услышать хоть одну ложь. Последнюю.

Влад потёр лицо и поморщился — этот жест был до боли знаком. Так он отодвигал от себя отчёты, которые не хотел подписывать, а мне оставалось ждать.

— Тома, давай без драм. Ты умная женщина.

— Скажи. Что. Это. Не. Так.

— Твой муж оставил тебе состояние, к которому ты не имела доступа все три года нашего брака, — он говорил тихо, почти нежно, и от этой нежности меня замутило. — Сорок миллионов, Тома. Ни один из моих проектов за эти годы не дал и десятой части. Я был тебе хорошим мужем. Я не брал от тебя ни копейки — можешь проверить. Я ждал. Разве это преступление?

— Любовь была преступлением. — Собственный голос едва доходил до меня; вдохнула. — Ты лгал мне в постели. Ты держал меня за руку в больнице, когда мне удаляли... — На этом месте дыхание сорвалось. — Опухоль, три года назад. Ты ведь всю ночь просидел под дверью операционной. После наркоза помню, как холодно было от твоего прикосновения. Ты сидел со мной и ждал, когда умру или выживу, лишь бы срок шёл.

— Я не хотел, чтобы ты умерла, — впервые за вечер его лицо дрогнуло. — Поверь. Мне было проще с тобой, чем с кем-либо. Иногда я почти...

— Не смей.

Слово упало между нами, как топор.

Развернувшись, пошла по коридору, мимо фотографий и вазы.

— Вот здесь мы смеёмся в Барселоне. А этих двух бронзовых птиц ты подарил мне на свадьбу. — У статуэтки задержалась, обернувшись к нему. — Вазу в прошлый четверг разбил, помнишь? Пришлось склеить, повернуть трещиной к стене. Ты даже починки не заметил.

На кухне достала торт, поддерживая тяжёлую коробку. Поставила на стол, отодвинув тарелки. Сорвала ленту, которую днём так старательно расправляла.

— Тома! — Влад появился в дверях и загородил половину прохода. В голосе прорезалась тревога: сумочку с ключами достают, когда уходят. — Что ты делаешь? Ты не можешь уйти, в понедельник... Тома, послушай, мы всё обсудим, как взрослые люди. Тебе же нужно подписать бумаги у нотариуса, без тебя ничего не...

Вот оно. Даже сейчас. Даже в эту минуту он говорил со мной о бумагах.

Забрала телефон, сумочку и ключи — и ключи положила на стол. На сухую салфетку у торта. Расправила её уголок. Так оставляют ключи тому, кто останется в доме, чтобы не пришлось их искать.

— Я не подпишу ничего. — Продела локоть в рукав пальто и отвернулась от стола. — Никогда.

— Подпишешь. — Влад опёрся о косяк и даже освободил мне проход. Торопиться ему незачем. — Тебе некуда идти, Тома. Карты я уже заблокировал — для твоей же безопасности, ты же у нас вечно теряешь кошелёк. Траст без твоей подписи мёртв, фонд — тоже. Тебе тридцать восемь, у тебя нет работы, нет друзей вне моего круга и нет денег. Куда ты пойдёшь?

Он был прав. В этом и был весь ужас — он был прав во всём, кроме одного.

— Ты не знаешь, куда я пойду. — Застегнула пальто, едва попав в петлю, и открыла дверь. — И это, Влад, первая честная твоя фраза за три года.

За дверью, у машины, удерживаться больше не смогла и заплакала. Тушь потекла на ворот бордового платья — его любимого цвета, как он говорил. Последний раз так плакала на похоронах первого мужа, шесть лет назад. Тогда казалось, худшее уже случилось со мной.

Такси везло меня по ночному городу, за окном тянулись огни, а назвать адрес всё никак не удавалось. Водитель дважды посмотрел в зеркало: видно, по распухшему лицу догадался, что среди ночи еду без всякого плана.

— Куда едем, красавица? — Он убавил радио и взглянул в зеркало. — Хоть район назови, а то так и будем круги нарезать.

И тут зазвонил телефон. Незнакомый номер, код страны, в которой никогда не бывала. Хотелось сбросить. Но кому самой сейчас позвонить, кого попросить приехать? В день рождения перебирала в уме гостей, не находя ни одного, кому можно назвать причину слёз.

Ответила, поднеся телефон к уху.

— Тамара Андреевна Дорохова? — голос был низкий, с лёгким акцентом, каждая согласная — как поставленная на место шахматная фигура. — Меня зовут Тамер аль-Харби. Мы не знакомы, но я был партнёром вашего мужа. Мне только что позвонили из вашего фонда и сказали, что завтра его занимает новая управляющая.

Глава 2. Чужой самолёт

— Это недоразумение. — Прикрыла микрофон краем шарфа, отвернувшись к окну.

— Я знаю. — Он дал мне договорить, но больше слов не нашлось. — Мой самолёт вылетает в шесть утра. Будьте в аэропорту, Тамара Андреевна. И возьмите с собой тёплую накидку — в Дохе вечером бывает прохладно.

— Подождите... Откуда вы... Я не...

— Я всё знаю. — Прижала телефон к уху: хотелось верить хотя бы этому чужому голосу. — С понедельника. Впрочем, об этом при встрече.

Связь оборвалась.

Сидела с телефоном, глядя на огни. Ехать в аэропорт к незнакомому мужчине. Или выйти у первого же перекрёстка и остаться совсем одной — без денег, без имени, без адреса, за которым откроют дверь.

— Куда едем, красавица? — терпеливо повторил водитель.

Вытерла лицо, размазав тушь ещё сильнее.

— В аэропорт. — Подалась вперёд, перекрывая гул дороги. — И если можно — быстрее. Кажется, я опаздываю на всю свою новую жизнь.

У трапа частного самолёта стало страшно: белый фюзеляж, тёмные окна, чужие люди. Поднимаясь, держалась за перила. От утреннего холода дрожала так, что под каблуками подрагивали ступени.

«Возьмите тёплую накидку». Взяла. За вещами заехала домой, такси ждало у ворот. Успела собрать серый палантин, который мама связала лет пятнадцать назад, узелок с документами и один чемодан на колёсиках. Катила его по терминалу, вздрагивая на стыках плит: колёсики стучали слишком громко.

С Галиной прощались по телефону коротко. Она плакала.

— Даже в носу уже не щиплет, Галь. Все слёзы выплакала в машине, между моим домом — его домом, господи! — и третьим поворотом на шоссе. Думала, до утра буду реветь, а больше не могу.

— Так, стоп. — Галина высморкалась, отодвинув телефон, и заговорила громче. — Ты звонишь мне каждый день. Каждый, слышишь? И я приеду, как только ты позовёшь.

— Слышу. — Прижала палантин к щеке, справляясь с дрожью. — Галина... Спасибо, что была на дне рождения.

— Я ещё приду на твоё следующее. — Она выдохнула в трубку и добавила: — И оно будет лучше этого.

— Выключу телефон, ладно? Влад наверняка позвонит. Заведёт заботливо: «Тамарочка, куда ты пропала, у нас понедельник, доверенность». Мне нельзя его слышать, Галя. Снова начну оправдывать, поверю, что всё можно исправить.

Написала ей: «Обнимаю» — и выключила телефон.

В салоне пахло кофе и чем-то восточным — сладким, тёплым, как остывающий хлеб. Стюардесса поставила чашку, поправила салфетку и ушла, оставив кофейник. О слезах и платье не спросила. Здесь всё уже решили за меня.

Вот это, кстати, должно было меня насторожить.

Не насторожило.

Он вошёл через двадцать минут после взлёта — из переднего отсека салона. Отодвинул перегородку и прошёл к столику, ничуть не сомневаясь, что его ждут. Высокий, в тёмном без единой складки костюме, со знакомым по фотографии в кабинете мужа лицом: Тамер аль-Харби. Кирилл держал снимок на самой нижней полке стеллажа и говорил: «Вот этот человек однажды спасёт мне дело. Или меня. Посмотрим».

— Тамара Андреевна. — Он сел напротив и отодвинул кофейник к стенке салона. Разрешения не спросил. — Вы плохо спали.

Отвечать на это он не предлагал. Констатировал и ждал, когда перестану тереть веки. Потянулась к ним машинально и разозлилась на свою попытку скрыть бессонную ночь.

— Глупо, правда? Тридцать восемь лет. Разведена... Нет, пока ещё замужем, а до этого вдова. Дважды обманутая... Нет, один раз обманутая, второй — обобранная. И перед вами всё ещё думаю, как выгляжу.

— Где вы взяли мой номер? — Опустила палантин, села прямее: ещё немного, и он сочтёт меня больной.

— У вашего юриста. Он считает себя вашим другом и хочет, чтобы вы знали: он не подписывал ничего против вас. Пока. — Тамер поставил кофейник ближе ко мне и после короткой паузы добавил: — А вот Артём Дорохов трус. Это удобно, но ненадолго.

От имени Артёма больно ударило под рёбрами; упёрлась пятками в пол, удерживаясь в кресле.

— Вы следили за мной?

— За деньгами. — Он взглянул на чашку, потом снова на меня. — Десять лет — за деньгами вашего первого мужа, три года — за деньгами второго. Это не одно и то же, но маршруты пересекаются. Сядьте удобнее. Выпейте кофе, пока совсем не остыл.

— Вы так буднично приказываете. Спорить с вами — только ссориться из-за чашки. — Откинулась на спинку. Тёплый кофе помог наконец разжать зубы. — Вы говорите мягко, а мне даже возразить трудно. Зачем я лечу в Доху? — Вернула чашку на блюдце, стараясь не звякнуть. — Прямым текстом, пожалуйста. За эти сутки мне хватило загадок.

Он задержал на мне взгляд, и захотелось потянуться к вороту платья. Спрятать тушь, пригладить ткань. Страшно было выдать ещё одну подробность вчерашнего вечера.

— Прямым текстом, — согласился он. — Ваш покойный муж был мне партнёром и другом. Перед смертью он передал мне на хранение один документ. Письмо. Он сказал: «Если Тамара когда-нибудь окажется у разбитого корыта — отдай ей это». В пятницу ночью, через час после звонка из вашего фонда, ваш муж и ваш деверь попытались вскрыть ваш банковский доступ досрочно. Попытка провалилась — уровень доступа не тот. Значит, они пойдут по другой линии. По трасту. По документам. По вам.

— По мне?

— Вы — ключ, Тамара Андреевна. Вы этого не знаете, но вы — ключ. Поэтому вы летите со мной. Поэтому до понедельника вы не будете в Москве. Поэтому вы подпишете мне одну бумагу — не доверенность, противоположность доверенности. Запрет на распоряжение. Пока он действует, никто — ни Влад Снегирёв, ни ваш замечательный деверь — не шевельнёт ни одним вашим рублём.

Остановилась, не донеся чашку до губ. Поставила обратно: рот приоткрылся, а «спасибо» не выговорить.

— А что... что вы получите?

Он чуть улыбнулся.

— Боялась, что вы обидитесь. Сама не знаю, отчего так обрадовалась вашей улыбке.

Под рёбрами потеплело, против воли.

— Хороший вопрос. За ним обычно обращаются ко мне в последнюю очередь. — Он откинулся на спинку кресла. — Получу партнёра для благотворительного проекта, который веду восемь лет и не доверю никому из наёмных. Ваш муж говорил, что настоящая сталь — это вы. Три года проверял его слова по отчётам вашего фонда. Он не преувеличил.

— Я веду благотворительность. — Получилось тише, чем хотелось; подвинула блюдце, едва не расплескав кофе. — Это не сталь. Это... раздача.

— Такая раздача и требует самой крепкой стали. — Тамер встал, вернул кофейник на подставку и освободил столик. — Любой может брать. Сложнее — отдавать, когда самой не хватает. — Он уже шёл к перегородке, окончив разговор по своему решению. — Отдыхайте. Через шесть часов — посадка. Вечером прохладно, не забудьте накидку.

Он уже сделал шаг к двери, когда не удержалась от последнего вопроса — потянулась за ним, а голос сорвался на шёпот:

— Почему вы мне помогаете? Честно.

Он остановился у перегородки. Обернулся, убрав с неё ладонь. В горле пересохло; опустила глаза на остывшую чашку.

— Потому что в четверг вечером вы стояли в приёмной холдинга и отдавали последнюю награду вашего мужа сиротам из Твери. — Он вернулся к столику и понизил голос. — А в пятницу вечером ваш муж целовал в этой же приёмной другую. Видел и то, и другое. Этого мне хватило.

Дверь за ним закрылась — мягко, бархатно.

Осталась одна с остывающим кофе и тёплой накидкой на коленях. За окном проплывала белая гряда облаков, где-то под ней оставались Москва, мой дом, мой — уже не мой — Влад, приёмная, где всё решилось за два вечера.

А я летела в Доху к человеку, привыкшему решать за других. К человеку, знающему обо мне то, чего сама не знала. И самое страшное — страха сейчас не было.

Устроилась в кресле чужого самолёта, прижала к груди мамин палантин и впервые за двое суток согрелась.

Доха встретила меня жарой, от которой на мгновение перестаёшь дышать. Горячий воздух укутал лицо шёлковой тканью — мягко и беспощадно.

Меня встречали. Водитель холдинга с табличкой «Дорохова» — и как странно было видеть свою фамилию в чужих руках. Мою фамилию, которая теперь и не моя совсем.

— Госпожа Дорохова? Меня зовут Карим. Машина ждёт.

Кивнув, покатила чемодан за ним по мрамору аэропорта. Мамин палантин, взятый по совету Тамера, так и держала на сгибе локтя, прижимая к боку вместе с сумочкой. Глупо, наверное. От шерсти пахло домом, шкафом в маминой спальне; отпускать её не хотелось.

— Приём начинается в девять, — Карим придержал передо мной дверь. — Вы успеете принять душ и переодеться.

— В отель? — уточнила осторожно, прежде чем сесть.

Карим посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Долго.

— Господин аль-Харби распорядился. Апартаменты в его резиденции. Восточное крыло.

Открыла рот — и закрыла.

— Карим, возражать господину аль-Харби через вас... Мне неловко до стыда. Но куда мне теперь идти?

В «Заметки для себя» записала: позвонить в банк. Без записи сейчас даже очевидное вылетало из головы.

— Остановитесь у отеля. Мне нужно позвонить одной.

У гостиничной стойки снова отказ. Карим подошёл ближе:

— В аэропорту карта дважды не сработала. Кассир в кафе три раза извинился. А увидев вашу табличку, попробовала вызвать такси... Простите. Хотела уехать сама. Приложение тоже отказало. Теперь вот отель.

Здесь хотя бы было прохладно; держаться перед водителем ещё получалось.

«Для вашей безопасности операции заблокированы. Свяжитесь с вашим банком».

В углу гостиничного холла прижала к груди телефон; спина заледенела под тонкой блузкой, хотя за стеклом плавил асфальт сорокаградусный зной.

Банк. Хорошо. Сейчас позвоню в банк, назову себя, отвечу на вопросы.

Мужчина на линии был вежлив до тошноты.

— К сожалению, госпожа Дорохова, счёт находится в совместном управлении. Заявку на блокировку подал держатель второго ключа — господин Снегирёв — с формулировкой «в связи с медицинским состоянием супруги». Мы обязаны...

— В связи с чем?

— С медицинским состоянием супруги, госпожа Дорохова. Уточните, пожалуйста, вы сейчас находитесь...

Глава 3. Уставшая вдова

Отключила вызов. Выпрямилась на жёстком диванчике, отодвинувшись от спинки. В зеркальной стене напротив отражалась женщина, вцепившаяся в телефон так, что побелели костяшки.

Медицинское состояние. В понедельник траст. В понедельник она подписывает доверенность, и мы закончили.

«И мы закончили» — его голос прозвучал в памяти так явственно, что пришлось обернуться к пустому креслу рядом.

Карим ждал у входа, рядом с машиной; чемодан оставался в багажнике.

— Мне бы в номер. Закрыть дверь... Но с заблокированной картой даже спрятаться негде, — призналась ему, садясь в машину.

— В холдинге будут юристы господина аль-Харби. Уже через час.

— Тогда на приём. Это хоть какая-то надежда. Час просижу. На похоронах три часа сидела и не сломалась.

Карим придержал дверь, дав мне устроиться. У большого стеклянного холла холдинга ещё раз уточнила:

— Они ведь точно придут? Вы меня дождитесь, пожалуйста.

Очередная ошибка. Приём был в честь партнёров холдинга, и его вели... конечно же. Серый силуэт — блестящий, как ртуть, — узнала раньше, чем женщина обернулась.

Инга.

Она стояла в кругу людей, смеялась, запрокинув голову, и на её запястье блестели часы. Знакомые до последней царапинки у застёжки. Те, что исчезли из сейфа фонда «после инвентаризации».

— Тома! — она всплеснула руками, и голос у неё был сладкий, как сироп. — Боже, вот так встреча! Мы не ждали тебя. Влад говорил, ты плохо себя чувствуешь...

— Правда? — Пришлось улыбнуться. Привычка помогла: уголки губ вверх, смотреть мягко сквозь застилающую глаза муть. Научилась на трёх годах приёмов рядом с ним.

— Ну конечно, — она понизила голос до сочувственного, рассчитанного на окружающих, полушёпота. — После такой потери... муж, работа, всё в один момент... Артём, подойди!

Артём подошёл привычным бочком, низко опустив голову и запахивая пиджак на мягком животе. Брат моего Кирилла. Человек, которому Кирилл доверил больше, чем собственной жене.

— Тома, — он чмокнул воздух возле моей щеки, не коснувшись. — Дорогая, ты выглядишь... устало.

— Уставшая вдова, — с теплотой подсказала Инга. — Мы все так говорим. Она просто выгорела, бедная. Нервы. Поезжай домой, Тома, отдохни. Тебе больше не нужно напрягаться, фонд теперь...

Пауза. С этими паузами Инга умела обращаться: покрутила на запястье чужие часы и дождалась, пока взгляну на них.

— ...фонд теперь на мне. Совет проголосовал единогласно. Ну, то есть, Артём как опекун траста выступил, Влад всем объяснил, что тебе нужен покой. Ты же сама понимаешь — на людях вредно.

— На людях вредно? Артём, двенадцать лет этим фондом занимаюсь. Письма детей по ночам читаю, отчёты сама свожу. До трёх ночи сидела даже тогда, когда Кирилл... Ты ведь помнишь.

Он отвёл глаза; пришлось самой оборвать фразу.

— Артём. — Пришлось переждать спазм в горле, чтобы он услышал каждое слово. — Скажи мне одну вещь. Письмо Кирилла, о котором ты говорил, будто оно осталось у тебя. Ты действительно его сохранил?

Артём дёрнулся. Мгновенно, всем телом, как от тока.

— Какое письмо? — он даже не попробовал сыграть удивление. Отмахнулся от меня, едва не задев манжетой бокал проходившего официанта. — Тома, не начинай. У тебя и так... нервы. Кирилл оставил документы в порядке, всё чисто. Никаких писем. Не выдумывай.

Инга уже смотрела на него чуть внимательнее, чем нужно. Перестала крутить часы. Замолчала, давая ему договорить. Чутьё на трещины у неё работало отлично — сама сейчас ловила каждую запинку Артёма, каждое движение его рта.

— Поезжай домой, Тома, — повторила она мягко, почти ласково, и кто-то из толпы зашептался, глядя на меня с жалостью. — Влад вернётся через час, юристы уже...

— Юристы, — перебила её, глядя поверх плеча Артёма, — уже здесь.

Влад привёл бы других. Инга тоже. Вдоль стеклянной стены холла шли трое: двое в тёмных костюмах и один — высокий, широкоплечий, в белом, с неспешной походкой человека, которому весь этот холл принадлежал.

Разговоры вокруг стихли, как выключили.

Шейх Тамер аль-Харби прошёл через зал — люди расступались молча, кто-то кланялся — и остановился напротив меня. Близко. Так близко, что при вдохе защекотало в носу: тёплое дерево и дым, и под этим — чистая кожа.

— Госпожа Дорохова, — обратился он ко мне, и ближайшие гости повернулись на его голос. — Вас ждали не здесь. Вас ждали в другом месте.

— Господин аль-Харби... — начал Артём, делая шаг вперёд и расплываясь в улыбке. — Какая честь! Если вы по поводу контрактной части фонда, то её вопросы сейчас курирует госпожа Инга, новый директор, а супруг госпожи Дороховой...

— Я не говорил с вами. — Тамер остановил его одним взглядом. Голос остался негромким. Артём осёкся на полузвуке и сжал губы.

Тамер повернулся ко мне. От его внимательного взгляда стало горячо под воротником и страшно: сколько он успел услышать? Про уставшую вдову, про заблокированную карту он уже знал; сейчас оглядел часы на чужом запястье и Артёма, дёрнувшегося от слова «письмо».

— Вы поедете со мной. — Он чуть развернулся, освобождая мне путь к выходу. Мне оставалось ответить перед всем залом. А Тамер ждал рядом, готовый увести через толпу.

— А она поедет с вами? — Инга рассмеялась, но на последнем звуке запнулась и торопливо вдохнула. — Господин аль-Харби, но Тома замужем. Влад будет так огорчён, когда вернётся...

— Пусть будет огорчён, — отозвался Тамер, продолжая смотреть на меня. — Передайте ему: в понедельник в девять утра его юристы, его партнёр по трасту и он сам ждут меня в переговорной холдинга. Я буду говорить с ним о доверенности. Лично.

Он подал мне руку. Открытой ладонью вверх — жест старомодный, из другой эпохи.

И я, уставшая вдова, у которой нет ни карты, ни фонда, ни дома, ни мужа, взяла его за руку и пошла с ним по стеклянному холлу, глядя прямо перед собой.

За спиной было тихо. А потом все сразу зашептались — слаженно, деловито; этот шорох догнал нас уже у дверей.

В машине, когда двери закрылись, Тамер посмотрел на меня:

— Вы задали Артёму вопрос о письме.

Не вопрос. Констатация.

— Вы слышали.

— Я слышал всё. — Он дождался, пока посмотрю на него. — И вот что вам нужно помнить, госпожа Дорохова: письмо вашего мужа существует. Подтверждаю вам это снова, потому что...

Он замолчал. Впервые за все наши встречи — на середине слова.

— Потому что? — прошептала я.

— Потому что оно у меня. Артём никогда не получал оригинала, что бы он вам ни говорил.

Машина плыла по набережной, и огни Дохи стекали по стеклу, как расплавленное золото. Сидела, вцепившись в сумочку, и никак не могла разжать губы.

— Оно у меня, — повторил Тамер и, дав мне несколько секунд, добавил: — С того дня, когда Кирилл попросил сохранить его. После похорон письмо осталось у меня.

— Но Артём говорил, что Кирилл оставил письмо юристу... На приёме вы слышали его. Теперь он отрицает даже существование письма.

— Вашему юристу. Тому передали копию, а потом заплатили, чтобы она исчезла. — Он посмотрел на меня в темноте салона. — Ваш муж знал, что после его смерти рядом с вами окажутся те, кто захочет получить больше, чем вы готовы отдать. Он знал. Поэтому настоящее письмо оставил на хранение человеку, которого выбрал сам. Мне.

— Почему вам?

Впереди, за поворотом, показалась вода — тёмная, с редкими огнями лодок. Тамер помолчал.

— Потому что за неделю до операции он приехал ко мне и попросил... — Тамер задержал взгляд на воде за окном. — Просил об одной вещи. Он сказал: «Если она выберет не того — не дай ему забрать у неё всё». Я обещал. Я держу свои обещания, госпожа Дорохова, даже те, которые держу шесть лет.

— Шесть лет... Кирилл шесть лет как умер. Значит, всё это время письмо лежало у вас? Пока Влад целовал мне руку на крыше ресторана, вёз в Катар, наливал вино по пятницам... Вы его хранили? — Сумочка съехала с колен; прижала её локтем. — Получается, мёртвый муж позаботился обо мне лучше, чем живой.

Отвернулась к окну: ещё немного, и пришлось бы плакать у него на глазах, а потом ловить сочувственные взгляды. Но Тамер протянул мне платок; за отражением в стекле спрятаться не удалось.

— Вы плачете не о письме, — произнёс он, оставляя платок у меня на коленях. — О том, что угадали в муже.

— Я плачу о том, что выбрала не того, — выговорила я. — Второй раз в жизни доверилась — и в этот раз картонная коробка вместо человека.

— Коробку можно открыть. — Он дал мне промокнуть глаза, прежде чем продолжить. — В понедельник. На столе.

Резиденция встретила нас тишиной и запахом жасмина. В огромном доме хотелось снять туфли и пройти по тёплому камню к низким диванам; тихо играла музыка, возле кресла лежала раскрытая книга — здесь жили, оставляли чтение до завтра. Женщина в светлом халате подала мне чай — кардамон, шафран, что-то ещё, от чего внутри стало горячо. Чашка задрожала; поставила её на блюдце: с утра во рту ничего, а от запаха хлеба свело живот.

— Ешьте, — скомандовал Тамер. — Разговоры после еды. Я не разговариваю с голодными женщинами, они говорят опасные вещи.

Съела всё, что поставили, и взяла ещё; подбирая хлебом соус, подняла взгляд:

— Вы так смотрите... Мне и выпрямиться хочется, и за чашкой спрятаться. Стыдно, что набросилась на еду.

Тамер придвинул тарелку поближе, продолжая открыто смотреть на меня.

— Условия. — Когда чашки убрали, он подался вперёд, поставив локти на колени. — Вы живёте здесь. Ваш фонд переходит под моё покрытие — я дам вам команду, юристов, площадки. Вы не подписываете ничего, не показав мне. И вы не возвращаетесь в тот дом.

— Это не условия. Это приказ.

— Да, — согласился он без тени смущения. — Приказ.

— Господин аль-Харби, я вам не подчинённая. И не очередной... не проект, который вы взялись привести в порядок. Я взрослая женщина, которая три года сама себя содержала и сама же себя обманула. Позвольте мне хотя бы ошибаться самостоятельно.

Глава 4. Условия защиты

Он откинулся на спинку дивана. За паузу успела разгладить салфетку и снова смять; Тамер молчал, заставляя выдерживать его взгляд.

— Хорошо. — Он наконец кивнул, посмотрев на скомканную салфетку. — Ошибайтесь. Но в пределах моего забора. Широкий забор, госпожа Дорохова. Я строил его десять лет.

Поздно ночью, в светлой комнате на втором этаже, с окнами на воду, сидела на краю кровати и прислушивалась к дому: внизу закрыли дверь. И думала о понедельнике; халат оказался моего размера — эта предусмотрительность пугала больше всего.

Влад нашёл меня раньше, чем решилась выйти в коридор и постучать к Тамеру. Телефон в кармане халата завибрировал — знакомый номер, фотография мужа. Смотрела на экран, пока он гас и снова загорался. Потом всё-таки ответила — хотелось услышать, как он объяснит то, что натворил.

— Куда ты пропала? — голос у него был правильный: тревожный, тёплый, обкатанный за три года. — Инга сказала, ты уехала с каким-то шейхом. Тома, ты пугаешь меня.

— Ты пугаешься, — повторила я тихо. — Расскажи мне, Влад, про «в понедельник откроется траст, она подписывает доверенность, и мы закончили». Это ты пугаешься? Или закончил уже?

Тишина затянулась.

— Дыши, Влад. Вдох, выдох. Перед трудным разговором с партнёрами всегда так делал. Теперь и со мной?

— Ты всё не так поняла. — Теперь он заговорил тише, почти возле моего уха. — Мы дома обсудим. Приезжай, я жду тебя, всё объясню. Ты моя жена, Тома.

— В понедельник в девять твои юристы ждут не меня, — перебила его, отнимая телефон от щеки: она стала мокрой. — Они ждут господина аль-Харби.

Пауза. Потом он глухо выдохнул, собираясь заговорить.

— Опять этот низкий голос, Влад... Дважды за три года слышала и внимания не обратила. Что теперь скажешь?

— Значит, письмо всё-таки у него. — Влад произнёс это почти спокойно, даже дыхание перестало сбиваться. — Жаль. Я надеялся, Кирилл был умнее.

И отключился. Оставил меня ждать извинений, тревоги, хотя бы ещё одного «ты моя жена» перед гудками. Завершил разговор — как закрыл баланс, в котором больше нет смысла.

В чужой красивой комнате, в чужом мягком халате стало холодно: с этой минуты Влад будет воевать не за меня. За траст. А войну за деньги он вести умел.

За дверью, в коридоре, послышались тихие шаги. Затем голос Тамера — кому-то внизу, короткий, властный:

— Заберите у деверя Дороховой все его ключи от трастовых ячеек. Сегодня же. И поднимите мне документы по заводам, которые купил Снегирёв. Все. С первого.

Пауза.

— Он вошёл в наш холдинг через три компании. Найдите четвёртую.

О том, как эти два распоряжения уничтожат всё, что Влад строил шесть лет, предстояло узнать позже. Ослабив пояс халата, приоткрыла дверь:

— Тамер... Впервые за три года от ночных шорохов не вздрагиваю. Днём было страшно. А теперь вы здесь, за стеной. Держите моё письмо... Кажется, весь мой разрушенный мир у вас на прицеле.

Выдохнула, договорив.

— Отдыхайте, Тома.

Утро в резиденции пахло кардамоном и свежим хлебом. Выйдя в длинную галерею со стеклянной стеной — за ней плавился в мареве залив, — едва не столкнулась с Тамером. Он стоял у окна в белой рубашке с закатанными рукавами, в обычных брюках, и держал тонкую папку. Мою папку. На обложке темнел знакомый тиснёный вензель фонда.

— Доброе утро. — Остановилась у стола, переводя дыхание. — Вы читаете чужие документы.

— Это ваши документы. — Он продолжал смотреть в залив. — Значит, мои. Садитесь, Тома. Завтракать и разговаривать. Одновременно, чтобы не терять времени.

За низким столиком уже стояло всё, от чего отказывалась три года: тёплый сыр, мёд в сотах, маленькие лепёшки, ещё дымящиеся. От голода свело желудок раньше, чем успела заговорить гордость. Опустилась на стул. Ненавидя себя за покорность, придвинула тарелку.

— Доверенность, — Тамер положил передо мной лист с моей подписью в пользу Влада. Узнала старую доверенность: подписывала её в его кабинете для текущих счетов фонда; в понедельник он собирался получить уже новые, расширенные полномочия. — Её аннулируют сегодня к полудню. Подпись получена обманом, при заблокированных картах, в состоянии, которое наши юристы назовут очень красиво. Артём подтвердит.

— Артём никогда ничего не подтверждает. — Даже его имя горчило во рту. — Он подписывает. Это весь его талант.

— Сегодня подтвердит. — Он разломил лепёшку и положил мне на тарелку, буднично, как делают люди, которые всю жизнь кормят семью. — У брата вашего мужа есть долги, о которых не знает его собственная жена. Мы об этом поговорим мягко. Он будет благодарен за мягкость.

По спине пробежал холод. Вот отчего с первого вечера хотелось слушаться его — и спорить. Просить этот человек привык редко. Он решал — за юристов, за Артёма, за меня. Рядом с ним можно было выдохнуть, но шагнуть самой было страшно, как на краю глубокой воды.

— Почему? — Отложила лепёшку. — Почему вы это делаете? Мы виделись четыре раза за жизнь. Вы были партнёром Кирилла, а не моим...

— Ваш муж, — он наконец посмотрел на меня, и отступать с вопросом стало поздно: он требовал выдержать ответ, — в последний год жизни дважды летал ко мне без предупреждения. Просил об одном: если с ним что-то случится — не давать Снегирёву приблизиться к капиталу. И второе. — Тамер помолчал. — Письмо. Кирилл писал его вам сам, от руки, за неделю до операции. Он привёз мне копию ключа и просьбу: отдать письмо в ваши руки лично. Не через юристов. Не через брата. Мне.

Комната поплыла; пришлось ухватиться за край стола. Собственный голос прозвучал глухо:

— Что в нём?

— Это письмо вы прочитаете, когда будете готовы. Не тогда, когда Снегирёв захочет, чтобы вы его прочитали. — Он отодвинул папку ко мне. — А теперь условия. Слушайте, не перебивая.

— Я не подписывала вам никаких условий.

— Подпишете. — Он придвинул договор ближе к моей тарелке, оставляя место для чашки. — Траст открывается в понедельник. Влад будет ждать, что вы придёте нищей и податливой. Вместо этого вы придёте как руководитель благотворительного проекта под моим покрытием. Детские клиники — Кирилл начинал это направление, вы его знаете лучше всех. Ваш фонд. Ваше имя на вывеске. Наша защита.

— А взамен?

— Взамен вы живёте здесь. — Он встал, подошёл к стеклянной стене, и свет от залива лёг ему на скулу и губы; пришлось отвести взгляд, чтобы вдохнуть. — В этой резиденции, в восточном крыле, со своей охраной. Вы посещаете приёмы, на которые я скажу. Вы улыбаетесь

тем, кому я скажу. Первое время — и только первое время — вы не выходите из-под моей руки. Потому что Снегирёв вошёл в наш холдинг через три компании, и человек, который строит такие ходы, не остановится перед женщиной.

— Вы описываете клетку. — Последние слова дались шёпотом.

— Я описываю стену. — Он повернулся. — Клетка — это то, что построил для вас муж. Здесь дверь открыта. Просто за дверью пока охота.

Задержалась взглядом на папке. На вензеле фонда, выросшего из пустой конторы: здесь собирали деньги на подарки, на лечение, на тёплые куртки для чужих детей. На подписи Влада под распоряжением, которым меня лишили доступа к счетам за один день. И на листе, который Тамер положил последним: чистом договоре, где в графе «проживание» стояло «восточное крыло», а в графе «обязанности» — «возглавить проект клиник. Персонально».

— Персонально. — Провела ногтем под напечатанным словом. — Не «фонд Дороховой»?

— Спорные счета вашего фонда попытаются заморозить в понедельник к десяти ноль-ноль. Потребуют проверки по закону. Остановить работу насовсем или хотя бы на полгода — вот чего добивается Снегирёв; срок зависит от того, как быстро я его остановлю. — Теперь он выговаривал каждое слово с нажимом, разом испортив вкус завтрака. — Этот проект — новый. Чистый. Никто не сможет его у вас отнять, потому что он возник сегодня и принадлежит вам с первой минуты. Кирилл умеет заботиться о тебе даже отсюда, Тома. Не удивляйся.

Взяла ручку, проверила стержень на полях. После вчерашней дрожи пальцы оставались тяжёлыми, но пробный штрих лёг прямо.

— Одно условие моё. — Подписав договор, придержала лист возле себя. — Никто не решает за меня, кому улыбаться. Я взрослая женщина. И я умею отличать охотников от охраны. Защиту приму. А улыбаться буду по собственному выбору.

Он чуть прищурился; уголок губ приподнялся, мгновенно отвлекая от договора.

— Договорились. — Тамер протянул ладонь за договором, ожидая, пока уберу свою. — Почти никому не придётся улыбаться. Большинство моих гостей вас будут бояться.

— Почему? — Отложила ручку, ожидая ответа.

— Потому что вчера вечером я отменил помолвку, о которой три года говорила вся моя семья. — Он взял из моих пальцев подписанный лист, сложил, отдал ассистенту, который уже ждал у двери. — Совет ждал сегодня объявить мою невесту. Вместо этого совет узнает, что в моём доме живёт женщина, которую я вывожу на приёмы. Думайте об этом то, что хотите. Завтракайте. В полдень поедем забирать ваш фонд.

Дверь за ним закрылась; над чашкой перестал подниматься пар, а к чаю так и не притронулась. Только что подписалась человеку, который ради одной ночи разговора со мной отменил то, что строила вся его семья. Это была защита. Это была клетка, выданная за стену. Это было самое опасное, что случалось со мной после смерти Кирилла.

И самое страшное — какая-то мелкая, голодная, стыдная часть меня уже искала оправдание, чтобы остаться в восточном крыле и после спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.